

Несмеяновская икра

Анекдот академика Гольданского напомнил мне еще об одной истории такого рода. Теперь уже от самого академика Несмеянова.

Но сначала о серьезном. Александр Николаевич Несмеянов, несомненно выдающийся ученый, основатель научной школы химии электроорганических соединений, зачинатель металлоорганики, по отзывам его сотрудников – чудесный человек. Неслучайно сразу после отставки Несмеянова в 1962 году Академия наук присудила ему свою высшую награду – медаль Ломоносова. О Несмеянове ученом и человеке отец тоже всегда отзывался положительно и уважительно. Я уже об этом писал. Он вообще оставил после себя добрую память. Кроме чисто научных достижений при Несмеянове построили Московский университет, он заложил научный центр в Пущино. Другое дело, что президентство Несмеянову оказалось не по плечу...

Ну а теперь обещанная история. Я, человек от проблем химии очень далекий и об академике Несмеянове получил очень своеобразное представление. После войны Александр Николаевич увлекся проблемой искусственной пищи, занялся синтезом протеинов. Только так, казалось ему, удастся спасти от голода и вымирания быстрорастущее население Земли. Все это очень серьезно и благородно. Первым его практическим результатом почему-то стало создание искусственной икры. В 1960-е годы о ней трубили газеты, научно-популярные журналы посвящали ей обстоятельные статьи. Как мне объясняли понимающие в химии приятели, в отсутствие полимеров и полимерной промышленности, получение тонюсенькой, к тому же съедобной, оболочки икринок, квалифицировалось как серьезное научное достижение. Научное, но не гастрономическое. В магазинах я тогда несмеяновскую икру не встречал, там торговали натуральной осетровой по рубль девяносто (новых) за сто граммов.

Мне довелось попробовать искусственную икру по рецепту академика Несмеянова только в 1987 году. В таллинской гостинице «Выру» собралось представительное международное совещание по вопросам вычислительной техники. Утром и днем мы заседали, обсуждали технические проблемы, спорили, а по вечерам отдыхали. Времена наступили перестроечные, еще не совсем голодные, но с закуской стало туговато, а с выпивкой, под прессом горбачевской борьбы с алкоголизмом, вообще никак. Правда, в Таллине удавалось купить дешевый кубинский ром, по три рубля за бутылку, наполненную содержимым, крепко отдававшим керосином. Ром везли с Кубы в танкерах, доставлявших туда самолетное горючее. Танкеры, перед заполнением ромом, конечно, тщательно промывали, но попробуйте налить ром в бутылку из-под керосина, и вы сами поймете, что мы пили в Таллине.

В гостиничном буфете неожиданно оказались баночки от настоящей икры, голубые, с осетром на этикетке, но заполненные икрой искусственной. Икра смотрелась аппетитно, крупная, блестящая, икринка к икринке, вкус тоже – натурально-икряной. И ценой всего рубль за 50 граммов. Брали нарасхват. Вот только губы от икры быстро чернели, а оболочки икринок не прожевывались, рвались и миниатюрными пакетиками, напоминавшими полиэтиленовые, налипали на зубах. Но мы быстро приспособились, высасывали содержимое, а остальное выплевывали. Не знаю, как другим, а мне икра понравилась, под ром она шла хорошо.

Еще лет через двадцать в воспоминаниях об академике Несмеянове Леониде Вернского, внука академика Тамма, я наткнулся на еще одно любопытное воспоминание о несмеяновской икре.

Леня познакомился с Несмеяновым в 1956 году и как-то попал к нему домой на обед. Среди всего прочего гостей за столом потчевали икрой.

«Когда я поднес ко рту бутерброд с его “рукотворной” икрой, – вспоминает Леня, – Александр Николаевич воскликнул: “Леня, не пробуйте... Я ее сам пожую и, не глотая, выплуну – она ведь отдушена натуральной...”».

Так что икра мне понравилась заслуженно, начинка у нее оказалась не химической, а настоящей, осетровой, а только оболочка искусственной. Но ее мы, как и сам Несмеянов, выплевывали.

Давал ли Несмеянов пробовать свою «рукотворную» икру отцу, не знаю, но если бы предложил, он бы не отказался. Отец, как вы уже знаете из моих рассказов, любил пробовать неизведанные блюда.

Я, наверное, слишком подробно расписываю академические дела, но что поделаешь, они мне более близки и знакомы. Как кому-то близки дела литературные или театральные. Истории организации театра «Современник», журнала «Юность», учреждения Российского Союза писателей или Союза кинематографистов в своих деталях несомненно столь же драматичны и увлекательны, порой вовлекали в свой круговорот отца, а порой и нет. Вот только те дела прошли для меня стороной.